

КАМАЛОВ Ильдар Фанусович,
аспирант кафедры
международного и публичного права
Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: ildarkamalov7@gmail.ru

Научный руководитель:
МАТВЕЕВА Елена Юрьевна,
кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры международного и публичного права
Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРЕДЕЛЫ КОНКРЕТИЗАЦИИ ПРАВА В ВОПРОСЕ УСТРАНЕНИЯ ПРАВОВОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ НАЛОГОВОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

Аннотация. В настоящей статье автор исследует механизм конкретизации права в качестве эффективного правового инструмента достижения правовой определенности. Раскрывается аксиологическое понимание принципа правовой определенности, исследуются методологические основы достижения конституционно значимых целей правового регулирования. Дополнительно приводятся положения Налогового кодекса Российской Федерации, которые могут служить демонстрацией исследуемого явления. Также автором формулируется вывод о необходимости выявления надлежащих пределов конкретизации права как определяющего фактора ее эффективности.

Ключевые слова: конкретизация права, пределы конкретизации права, принцип правовой определенности, налоговое правоприменение

KAMALOV Ildar Fanusovich,
postgraduate student of the department
international and public law,
Financial university under the Government
of the Russian Federation

Scientific supervisor: **MATVEEVA Elena Yurevna,**
Ph.D in Law, associate Professor of the Department
of International and Public Law,
Financial University under the Government
of the Russian Federation

THE LIMITS OF THE CONCRETISATION OF LAW IN THE ELIMINATION OF LEGAL UNCERTAINTY (ON THE EXAMPLE OF THE TAX CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Annotation. In this article the author researches the mechanism of concretisation of law as an effective legal tool for achieving legal certainty. The axiological understanding of the principle of legal certainty is disclosed, the methodological basis for achieving constitutionally significant goals of legal regulation is studied. Additionally, the provisions of the Tax Code of the Russian Federation, which can serve as a demonstration of the phenomenon under study, are given. The author also formulates a conclusion about the necessity to identify the appropriate limits of the concretisation of law as a determining factor of its effectiveness.

Key words: concretisation of law, limits of concretisation of law, principle of legal certainty, tax enforcement

Рассматривая право как самостоятельную ценность Алексеев С.С. обращал особое внимание на такое значимое результативное качество права как возможность или способность достигнуть определенности и точности в самом содержании общественных отношений. Свойство определенности, как указывает автор, раскрывает то, что правовое регулирование имеет четкие границы, показывает предназначенность, предопределенность предмета, характера возможного или необходимого поведения [1, с. 61].

Вместе с тем для нас очевидно, что степень определенности общественных отношений, достигаемая посредством воздействия на них права, имеет серьезные различия как при рассмотрении общественных отношений в разрезе имеющегося отраслевого деления права, так и в зависимости от остальных факторов. Применительно к отраслевому делению стоит отметить, что определенность в ее более общеупотребительном значении (т.е. синонимично конкретности) будет более свойственна публичным отраслям права и менее свойственна частно-правовым отраслям. При этом под отмеченную закономерность не подпадает отрасль конституционного права, что обуславливается ее первичными свойствами, ведь по своему содержанию конституционное право играет для остальных отраслей права «направляющую» роль, собственно, применительно к конкретному национальному законодательству предопределяет его содержание в наиболее общих чертах.

Приведенный анализ, не вступая в противоречие с общим смыслом высказываний С.С. Алексеева, указывает на многоаспектность определенности как результата свойства регулирующего воздействия права, на что указывает, как минимум, различная степень конкретизации правовых норм в зависимости от отрасли права.

Так, наиболее часто в научных работах определенность рассматривается в качестве одного из основополагающих межотраслевых принципов права. При этом в вопросе содержательного наполнения данного принципа наиболее часто обращаются к позиции Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), Конституционного суда Российской Федерации (КС РФ) и доктринальным разработкам.

ЕСПЧ определяет содержание принципа определенности через сущностные свойства нормативного содержания законодательства, указывая: «норма не может считаться «законом», если она не сформулирована с достаточной степенью точности, позволяющей гражданину соотносить с ней свое поведение: он должен иметь возможность — пользуясь при необходимости сове-

тами — предвидеть, в разумной применительно к обстоятельствам степени, последствия, которые может повлечь за собой данное действие»¹.

В свою очередь, Конституционный суд РФ, обращаясь к принципу правовой определенности, указывает, что «неоднозначность, неясность и противоречивость регулирования недопустимы, поскольку, препятствуя надлежащему уяснению его содержания, открывают перед правоприменителем возможности неограниченного усмотрения, ослабляющего гарантии конституционных прав и свобод». Дополнительно отмечается, что неконституционность регулирования часто порождается неопределенностью содержания правовой нормы. Допуская избыточно широкое усмотрение в процессе правоприменения, законоположения, содержащие такого рода дефекты, влекут нарушение не только принципов равенства и верховенства закона, но и гарантий государственной, в том числе судебной, защиты прав, свобод и законных интересов хозяйствующих субъектов².

Из приведенных положений следует, что Конституционный Суд РФ связывает с неопределенностью правового содержания законодательного регулирования значимые негативные последствия. Он также отмечает взаимосвязь неопределенности содержания правовых норм с их неконституционностью, выдвигая определенность в качестве критерия соответствия законодательного регулирования Конституции РФ. Положения, отмеченные КС РФ, не содержат дефиниции правовой определенности, вместе с тем они выделяют ее сущностные черты — характер конституционного принципа, и широту неограниченного усмотрения правоприменителя при условии отсутствия правовой определенности.

С доктринальной точки зрения наиболее полно принцип правовой определенности описан Р. Масаладжиу, который относит к нему ясность и четкость действующих правовых норм, устойчивость законных и обоснованных судебных актов, а также стабильность складывающихся на их основе правоотношений, чтобы заинтересованные лица с разумной степенью вероятности могли предвидеть последствия применения к ним судом действующих правовых предписаний и в соответствии с этим предвидеть последствия выбора того или иного варианта своего поведения [2].

¹ Постановление ЕСПЧ от 26 апреля 1979 г. по делу «Санди Таймс» (The Sunday Times) против Соединенного Королевства // Европейский суд по правам человека: Избранные решения: В 2 т. М., 2000. Т. 1. С. 201-202

² Конституционно-правовая защита предпринимательства: актуальные аспекты (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2018 - 2020 годов) (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 17.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс»

Таким образом, доктринальное понятие правовой определенности соотносится с практикой ЕСПЧ и КС РФ, выделяя основную заложенную в принципе правовой определенности суть – одинаковые юридически значимые обстоятельства должны влечь одинаковые правовые последствия. Такие правовые последствия, в свою очередь, должны быть в полной мере возможны к уяснению из законодательства напрямую.

Тем не менее, изучение вкладываемого в понятие правовой определенности смысла ставит вопрос о его способности противостоять избыточной широте усмотрения правоприменителя и связанные с ней проблемы, на которые указывал Конституционный Суд РФ, а также о методах ее достижения.

Очевидно, что ответом выступает большая проработка правовых норм при их проектировании до момента внедрения в законодательство. Представляется, что данному описанию соответствует механизм конкретизации права, наибольший вклад в теоретическое понимание которого внес В.В. Ершов. Так, под конкретизацией права В.В. Ершов понимает объективный процесс выработки уполномоченными правотворческими органами и лицами на основе абстрактного и неопределенного права в большей степени определенного права [3, с. 331, 332]. В качестве примера конкретизации права можно привести научные изыскания Л.Ф. Ант и М.Д. Хайретдиновой, указывающих следующее: «общей формой конкретизации для ранее существовавшей и действующей систем законодательства можно считать соотношение предписаний общей и особенной части кодифицированных актов» [4].

Можно ли сделать вывод, что повсеместное применение механизма конкретизации права позволит упорядочить общественные отношения и избежать неопределенности, равно как недопустимо широких пределов усмотрения правоприменителя? Ряд ученых обоснованно считает, что решение проблем, вызванных наличием неопределенности в правовом регулировании, не может быть достигнуто таким способом.

Власенко Н.А. указывает, что «несмотря на негативную сторону неопределенности в праве, которая и обуславливает необходимость юридической конкретизации, сама природа юридических норм заключена в их «абстрактном характере, основанном на обобщениях, что является главным условием юридического регулирования» [5, с.36].

И действительно, о невозможности полномасштабного построения системы правового регулирования на основании абсолютно конкретных правовых норм свидетельствует и практика Кон-

ституционного Суда РФ, который неоднократно отмечал, что «само по себе использование в норме оценочных понятий не свидетельствует о неопределенности ее содержания, поскольку разнообразие фактических обстоятельств делает невозможным установление их исчерпывающего перечня в законе, а использование законодателем оценочной характеристики преследует цель эффективного применения нормы к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций»¹.

Выводы Власенко Н.А. относительно определенности правового регулирования дополняет Залоило М.В., который пишет следующее: «Дальнейшая конкретизация юридических норм в целях учета особенностей конкретного общественного отношения должна осуществляться в рамках реализации права либо самими субъектами общественного отношения в ходе использования, исполнения, соблюдения права, либо уполномоченными органами в ходе правоприменения» [6]. Стоит согласиться с данным ученым и одновременно подчеркнуть правильность указания на уполномоченные органы как субъекты, которые могут осуществлять дальнейшую конкретизацию правовых норм, без сведения таких субъектов к судебной или исполнительной ветви власти, что в наибольшей степени релевантно для налогового права, для которого эффективными способами разъяснения норм права являются как судебное толкование, так и толкование Министерства финансов Российской Федерации и Федеральной налоговой службы.

Примером достаточной степени конкретизации правовых норм, на наш взгляд, выступают критерии отнесения расходов на группировки в целях определения налоговой базы по налогу на прибыль, приведенные в главе 25 Налогового кодекса Российской Федерации (НК РФ). В указанных случаях НК РФ дает общее представление о каждой категории расходов и приводит исчерпывающий перечень наиболее свойственных расходов для каждой категории. Дальнейшая же детализация применительно к отдельно взятым расходным операциям (видам расходов) осуществляется в разъяснениях уполномоченных исполнительных органов власти на инициативной основе или по запросам налогоплательщиков (подпункт 4 пункта 1 статьи 32 НК РФ). Также информация о надлежащей категоризации

¹ См., например, Определение Конституционного Суда РФ от 29.11.2024 № 3114-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы сельскохозяйственного потребительского кооператива (колхоза) "Заветы Ильича" на нарушение его конституционных прав пунктом 6 статьи 11.9 и пунктом 2 статьи 77 Земельного кодекса Российской Федерации"

отдельных расходов может осуществлена на основании судебной практики, в том числе обобщениях судебной практики Верховным Судом Российской Федерации¹.

В данном примере законодательное регулирование демонстрирует соблюдение баланса при применении механизма конкретизации права - норма закона сформулирована с достаточной степенью точности, позволяющей хозяйствующему субъекту соотносить с ней свое поведение, при этом в исключительных случаях при наличии возникшего вопроса по нестандартной расходной операции ответ может быть получен в ходе изучения правоприменительной практики или посредством направления запроса в уполномоченный орган.

Таким образом, можно сделать вывод, что конкретизация права является действенным методом борьбы с правовой неопределенностью. Вместе с тем, сущностной чертой эффективного применения конкретизации права является выявление надлежащих пределов конкретизации права.

Список литературы:

- [1] Алексеев С.С. Теория права. – М.: Издательство БЕК, 1995. – 320 с.
- [2] Масаладжиу Р. Принцип правовой определенности в науке, практике ЕСПЧ и его влияние на доступность правосудия на стадии надзорного производства в гражданском и арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 7. С. 22-25 ; № 8. С. 10-13.
- [3] Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: Монография. М.: РГУП, 2018. – 628 с.

¹ См., например, п.26 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2017), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12.07.2017 // СПС «КонсультантПлюс»

[4] Апт Л.Ф., Хайретдинова М.Д. Конкретизация определений и понятий в российском законодательстве // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: Материалы Межнар. Симпозиума. С. 231-234

[5] Власенко Н. А. Неопределенность в праве: природа и формы выражения // Журнал российского права. 2013. № 2. С. 32-44

[6] Залоило Максим Викторович Пределы и техника конкретизации юридических норм в правотворчестве // Журнал российского права. 2014. №11 (215). С. 34-41

Spisok literatury:

- [1] Alekseev S.S. Teoriya prava. – M.: Izdatel'stvo BEK, 1995. – 320 s.
- [2] Masaladzhiu R. Princip pravovoj opredelenosti v nauke, praktike ESPCH i ego vliyanie na dostupnost' pravosudiya na stadii nadzornogo proizvodstva v grazhdanskom i arbitrazhnom processe // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. 2009. № 7. S. 22-25 ; № 8. S. 10-13.
- [3] Ershov V.V. Pravovoe i individual'noe regulirovanie obshchestvennyh otno-shenij: Monografiya. M.: RGUP, 2018. – 628 s.
- [4] Apt L.F., Hajretdinova M.D. Konkretizaciya opredelenij i ponyatij v ros-sijskom zakonodatel'stve // Konkretizaciya zakonodatel'stva kak tekhniko-yuridicheskij priem normotvorcheskoj, interpreta-cionnoj, pravoprimeritel'noj praktiki: Materialy Mezhar. Simpoziuma. S. 231-234
- [5] Vlasenko N. A. Neopredelennost' v prave: priroda i formy vyrazheniya // Zhurnal rossijskogo prava. 2013. № 2. S. 32-44
- [6] Zaloilo Maksim Viktorovich Predely i tekhnika konkretizacii yuridicheskikh norm v pravotvorchestve // Zhurnal rossijskogo prava. 2014. №11 (215). S. 34-41

